

RU

## Способы передачи безэквивалентной лексики при переводе «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина с русского языка на английский

Пушкина А. В., Кривошлыкова Л. В.

**Аннотация.** Перевод безэквивалентной лексики, инкорпорированной в поэтический текст, всегда является особой комплексной проблемой для переводчика, поскольку, помимо знания иностранного языка и владения профессиональными переводческими компетенциями, он должен обладать поэтическим даром и иметь глубокие фоновые знания. Переводчику важно выбирать правильные переводческие стратегии, чтобы сохранить не только смысл поэтического текста, но и его ритм, интонацию, мелодику и культурологическую составляющую. Цель исследования – определить, в какой степени использованные переводческие стратегии способствовали сохранению национально-культурного колорита безэквивалентной лексики при переводе «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина с русского языка на английский. Научная новизна заключается в том, что впервые было проведено сравнительно-сопоставительное исследование двух переводов вышеуказанной сказки, что позволило рассмотреть способы передачи безэквивалентной лексики в рамках поэтического текста, оценить эффективность этих способов и определить переводческие проблемы, препятствующие адекватному восприятию произведения А. С. Пушкина. В результате установлено, что переводчики применяли различные приемы передачи безэквивалентной лексики, среди которых наиболее частотными являются транскрипция при переводе имен собственных, аналог и описание при переводе реалий, приемы описания и калькирования при переводе лакун. Показано, что лакуны представляют наибольшую сложность при переводе поэтического текста А. С. Пушкина. При множественности переводческих решений значение безэквивалентных лексических единиц в ряде случаев было искажено, что не позволило в полной мере передать национально-культурный колорит произведения.

EN

## Ways of conveying non-equivalent lexis when translating A. S. Pushkin's "The Tale of Tsar Saltan" from Russian into English

A. V. Pushkina, L. V. Krivoshlykova

**Abstract.** The translation of non-equivalent lexis incorporated into a poetic text is always a special complex problem for a translator, since, in addition to knowledge of a foreign language and proficiency in professional translation competencies, they must have a poetic gift and deep background knowledge. It is important for a translator to choose the right translation strategies in order to preserve not only the meaning of the poetic text, but also its rhythm, intonation, melody and cultural component. The aim of the study is to determine to what extent the translation strategies used contributed to the preservation of the national and cultural peculiarities of non-equivalent vocabulary when translating A. S. Pushkin's "The Tale of Tsar Saltan" from Russian into English. The scientific novelty lies in the fact that for the first time a comparative study of two translations of the above-mentioned fairy tale was conducted, which made it possible to consider ways of transmitting non-equivalent lexis within the framework of a poetic text, evaluate the effectiveness of these methods and identify translation challenges that lead to wrong perception of the work by A. S. Pushkin. It was found that the translators used various methods of transferring non-equivalent lexis, among which the most frequent are transcription when translating proper names, analogue and description when translating realia, methods of description and calque when translating lacunae. It is shown that lacunae present the greatest difficulty in translating the poetic text of A. S. Pushkin. With the multiplicity of translation solutions, the meanings of non-equivalent lexical units were distorted in some cases, which did not allow to fully convey the national and cultural peculiarities of the work.

### Введение

Творчество А. С. Пушкина всегда привлекало внимание не только рядовых читателей, но и филологов, переводчиков, специалистов-переводоведов. Произведения этого великого классика русской литературы

изобилуют бытовыми, культурными, историческими реалиями. Но, будучи одним из самых известных русских писателей, А. С. Пушкин не стал широко читаемым ни в европейских, ни в восточных странах, что можно объяснить неспособностью переводчиков «улавливать смыслы и оттенки слов» богатого русского языка, «наполненного национально-культурным колоритом этноса» (Волошин, Сидорова, 2020), который отражается чаще всего в лексике, не имеющей эквивалентов в других языках в силу отсутствия определенных явлений или понятий в той или иной культуре. Такая лексика в переводе называется безэквивалентной и представляет особые трудности для переводчиков, так как для такого типа лексики характерна значительная степень вариативности при решении переводческих задач в определенном культурно-историческом контексте. В связи с этим актуальным считается изучение способов передачи безэквивалентной лексики, способствующих полноценной передаче национально-культурной специфики поэтического текста сказки А. С. Пушкина.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие конкретные задачи: 1) изучить понятие безэквивалентной лексики и ее место в переводе; 2) выявить безэквивалентную лексику в сказке А. С. Пушкина; 3) провести сравнительный анализ переводов безэквивалентной лексики, выполненных О. Элтоном и Л. Зеликоффом, определить виды переводческих трансформаций и 4) показать, в какой мере использованные переводческие трансформации позволили сохранить национальный колорит поэтического произведения.

Предмет исследования – безэквивалентная лексика в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина и способы ее перевода на английский язык.

Теоретической базой исследования послужили труды Л. С. Бархударова (2010), В. Н. Комиссарова (2000), А. Д. Швейцера (2009), посвященные проблемам перевода, адекватности и эквивалентности в переводе. В то же время учитывались работы Я. И. Рецкера (1974), Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (1983), С. И. Влахова и С. П. Флорина (2009), которые раскрывают вопросы безэквивалентной лексики и ее перевода. Важным аспектом исследования явилось определение роли культурологического подхода при переводе безэквивалентной лексики, что стало возможным благодаря трудам В. В. Набокова (2001), У. Эко (2015), С. Г. Тер-Минасовой (2000), Д. И. Ермоловича (2009).

Для решения поставленных задач и достижения цели были использованы следующие методы исследования: метод лексического анализа – для выявления значения слова, его этимологии; метод контекстуального анализа – для изучения функциональной специфики безэквивалентной лексики, а также зависимости значения данных лексических единиц от контекста; метод сравнительно-сопоставительного анализа – для выявления общих и различных переводческих стратегий при переводе безэквивалентной лексики в сказке А. С. Пушкина; описательный метод применялся для анализа и изложения характеристик безэквивалентной лексики, использованных переводческих стратегий и их эффективности.

Материалом для исследования послужили «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о Прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина и ее переводы на английский язык, выполненные Оливером Элтоном и Луисом Зеликоффом:

- Пушкин А. С. Сказки Пушкина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
- Пушкин А. С. Сказки. Fairy Tales: книга с параллельным текстом на англ. и рус. яз. / пер. на англ. яз. О. Элтона. СПб.: КАРО, 2023.
- Pushkin A. The Tale of Tsar Saltan / transl. by L. Zelickoff. 2017. <https://ruverses.com/alexander-pushkin/the-tale-of-tsar-saltan/7696/>.

В качестве справочного материала использовались следующие словари:

- Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь для детей и школьников. М.: Вече, 2006.
- Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. 2000. <https://efremova.slovaronline.com/>.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: АЗЪ, 1994.

К исследованию также привлекались сведения из онлайн-словарей:

- Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>;
- Merriam-Webster. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>;
- The Free Dictionary. <https://www.thefreedictionary.com/>.

Практическая ценность состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по теории и практике перевода, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии при обучении студентов филологических специальностей.

## Обсуждение и результаты

Язык – явление социальное, «орудие, инструмент культуры»; он отражает не только реальный мир, этнонациональные особенности, обряды, верования, обычаи, но и «национальный характер», «систему ценностей, мироощущение, видение мира» (Тер-Минасова, 2000, с. 14). По С. Г. Тер-Минасовой (2000, с. 14), в лексике, грамматике, идиоматике хранятся культурные ценности языка, которые передаются из поколения в поколение. В лексике любого языка присутствуют *языковые единицы*, отражающие объекты материальной культуры, явления жизни и быта, характерные только для данного народа. В. Н. Комиссаров отмечает, что данный пласт лексики включает в себя единицы, не имеющие «регулярных соответствий в языке перевода» (2000, с. 147). Такая лексика в переводе называется безэквивалентной. Я. И. Рецкер, анализируя безэквивалентную лексику, подчеркивает, что прежде всего она проявляется как «обозначение реалий, характерных для страны

исходного языка и чуждых другому языку и иной действительности» (1974, с. 113). Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров (1983) под безэквивалентной лексикой подразумевают слова, которые не имеют регулярных соответствий в других языках, то есть не представлены в иной лингвокультуре. С. И. Влахов и С. П. Флорин предлагают следующее разграничение данных наименований: «...слово может быть реалией по отношению ко всем или большинству языков, а безэквивалентным – преимущественно в рамках данной пары языков, это значит, что список реалий данного языка будет более или менее постоянным, в то время как словарь безэквивалентной лексики окажется различным для разной пары языков» (2009, с. 43). Это объясняется географическим положением, особенностями социальной жизни и экономики, историческим развитием той или иной страны.

Материалом данного исследования является произведение А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о Прекрасной царевне Лебеди». Представляется целесообразным отметить роль безэквивалентной лексики в тексте художественного произведения, поскольку его лексическое наполнение отвечает замыслу автора (Томахин, 1988, с. 85), и в этой связи безэквивалентная лексика может приобретать особое смыслообразующее или образное значение и требует особого подхода к ее переводу. Для адекватной передачи безэквивалентной лексики важно учитывать семантику всего произведения как сверхфразового единства. Автор, исходя из своего художественного замысла, особым образом подходит к выбору лексики, которая помогает реализовать коммуникативные цели, например воссоздать исторический колорит той или иной эпохи; оказать эмотивное воздействие на читателя (Томахин, 1988, с. 85). Соответственно, переводчик ориентируется на стереотипы той национальной культуры, для которой переводной текст предназначен. Своеобразный способ концептуализации мира данной культурой, раскрывающей специфическое мироощущение ее представителей, всегда требует от переводчика осуществления баланса между двумя культурами. Установление такого баланса возможно с помощью замены конкретного образа более обобщенным, универсальным или близким восприятию обеих лингвокультурных сообществ.

У. Эко (2015, с. 67) выделяет основные трудности при переводе безэквивалентной лексики:

- 1) отсутствие в языке перевода соответствия, так как у носителей этого языка нет обозначаемого объекта;
- 2) необходимость наряду с предметным значением (семантикой) реалии передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску.

Трудности перевода безэквивалентной лексики связаны в первую очередь с ее семантическим значением. Исходя из того, что данный лексический пласт называет объекты, предметы и явления, присущие определенной лингвокультуре, значение таких единиц необходимо расшифровать при переводе, т. е. сделать понятным для представителей другой лингвокультуры.

Для того, чтобы адекватно передать семантическое значение безэквивалентной единицы, переводчику необходимо прежде всего принимать во внимание контекст, в котором используется та или иная единица. Поскольку в рамках данной работы исследуется использование и перевод безэквивалентной лексики в тексте художественного произведения, следует учитывать специфику достижения адекватности и эквивалентности перевода такой лексики именно в этом контексте. Важно отметить, что тип текста влияет на выбор переводческих стратегий. В фокусе нашего внимания – перевод именно поэтического текста, а такой тип текста усложняет задачу переводчика, которому необходимо «найти компромисс между двумя языками», сохранив ритм и размер поэтического текста, с одной стороны, и не потеряв культурологическую и эстетическую ценность, с другой (Пушкина, Кривошлыкова, 2023, с. 2558).

Языковые единицы, отражающие культурологическую и эстетическую ценность, называют реалиями. В нашем исследовании мы будем придерживаться термина «реалия» вслед за Л. С. Бархударовым, который под реалией понимает «слово или выражение, обозначающее предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» (2010, с. 93-95).

Необходимо отметить, что для обозначения пласта безэквивалентной лексики иногда используется термин «лакуна». Проблема с данным термином заключается в том, что сегодня в переводоведении нет единого понимания данного вида безэквивалентной лексики, которая обозначает предметы и явления, чуждые, неподдающиеся, непонятные, непривычные носителям культуры переводящего языка. Переводоведы-классики – А. Д. Швейцер (2009), Я. И. Рецкер (1974), В. Н. Комиссаров (2000) – термин «лакуна» не выделяют и относят такую лексику, наряду с реалиями, к безэквивалентной лексике. Однако Ю. С. Степанов (1965, с. 120), И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин (2010, с. 23) определяют лакуны как «словарные пробелы», «белые пятна» на семантической карте языка». Д. И. Ермолович отмечает, что «после Л. С. Бархударова, давшего определение *случайной лакуны*, переводоведы не сделали ни шага вперед», и критерии определения лакун «остаются открытыми» (2009, с. 18).

В нашем исследовании мы будем использовать классификацию, предложенную Л. С. Бархударовым, который выделяет три группы слов, входящих в состав безэквивалентной лексики, а именно:

- 1) имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка;
- 2) реалии, то есть слова обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке;
- 3) случайные лакуны, которые определяются автором классификации как «единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» (2010, с. 93-96).

Очевидно, существуют сложности передачи безэквивалентной лексики, с которыми встречаются переводчики, а именно: отсутствие предмета или явления в локальной культуре переводящего языка и, как следствие, отсутствие в переводящем языке лексической единицы, называющей этот предмет, ситуацию или явление.

Кроме того, необходимо передать не только предметное значение (то есть денотат), но и сохранить национальный колорит, эмоциональную окраску данного понятия. Однако мы согласны с А. В. Федоровым, который пишет о том, что «отсутствие точных и постоянных лексических соответствий» не является признаком «невозможности передать смысл в контексте» (1958, с. 142).

Для перевода безэквивалентной лексики используются переводческие трансформации. В рамках данного исследования мы будем придерживаться классификации способов перевода безэквивалентной лексики, предложенной Л. С. Бархударовым (2010, с. 97-102), а именно: переводческая транслитерация и транскрипция, калькирование (пословное или поморфемное воссоздание слова средствами языка перевода), описательный или объяснительный перевод (наличие пояснения или уточнения единицы оригинала), приближенный перевод (перевод при помощи «аналога»), трансформационный перевод (структурное преобразование единицы оригинала).

Для анализа способов передачи безэквивалентной лексики на английский язык была выбрана созданная почти 200 лет назад, в 1831 году, «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о Прекрасной царевне Лебеди» А. С. Пушкина и ее переводы на английский язык, которые выполнили британский литературовед и переводчик Оливер Элтон и его соотечественник, переводчик, писатель и поэт Луис Зеликофф.

Методом сплошной выборки было отобрано тридцать восемь безэквивалентных лексических единиц. В первую группу вошли шесть имен собственных, во вторую группу – семнадцать реалий, и третью группу составили пятнадцать случайных лакун. В Таблице 1 представлены лексические единицы, отобранные для анализа, в порядке появления в тексте.

Таблица 1. Безэквивалентная лексика и ее переводы

| Безэквивалентная лексика  | Перевод О. Элтона  | Перевод Л. Зеликоффа   |
|---|--|--|
| <b>Имена собственные, географические наименования,<br/>не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка</b> |  |  |
| Салтан  | Saltan   | Saltan   |
| Гвидон Салтанович   | Gvidon Soltanovich   | Guidon Saltonovich   |
| Сватья баба Бабариха  | Babarikha, the queen mother  | their mother, sly deceiver   |
| Черномор  | Chernomor  | Chernomor  |
| Окиян   | Sea/ocean  | sea  |
| Остров Буян   | Island of Buyan  | Island of Buyan  |
| <b>Реалии</b>   |  |  |
| Царица  | empress / youthful queen / lady young and royal / the mother / queen / mistress / princess | Were our tsar to marry me / If he married me / tsaritsa / young bride / the queen / a young princess |
| батюшка-царь  | father-tsar  | our tsar   |
| светлица  | He slept inside / poor chamber   | chamber / your home  |
| царь-отец   | tsar, the father   | the royal sire   |
| царь  | emperor/king   | tsar   |
| сени  | hall   | strode forth   |
| аршин   | too foot odd   | lusty, large of limb   |
| со креста   | cross + пер. комм.   | with the silken cord that hung round his neck  |
| царевич   | the prince / tsarevich   | tsarevich  |
| маковки церковей  | church   | churches golden-domed  |
| (венчают) княжью шапкой   | (crowned him with) Prince's cap  | was crowned as Prince  |
| князь   | prince   | prince   |
| златоглавый город   | Gilded towers  | a golden city  |
| златоглавые церкви  | golden-steepled churches   | churches tall with domes / churches tall with golden domes   |
| палата  | hall / nobly housed  | in royal state / mansions  |
| терема  | towers   | stately mansions / stately homes   |
| изба  | huts   | huts   |
| <b>Лакуны</b>   |  |  |
| красная девица  | beauteous maiden   | maiden fair  |
| голубушки-сестрицы  | beloved sisters  | fair sisters   |
| добрый конь   | trusty charger   | rode forth   |
| неведома зверюшка   | a creature monstrous, new, and out of nature   | a fright   |
| не по дням, а по часам  | fast as though a day were flown  | as the hours swiftly flew  |
| лебедь-птица  | the swan enchanted   | the swan-bird  |
| грусть-тоска  | weary grief / dreary grief   | grief  |
| удалец  | adventurer   | our gallant  |
| чудо чудное   | great marvel   | a wonder well worth telling  |
| при честном народе  | noble folk   | a charmed and happy throng   |
| во саду ли в огороде  | Is it in the garden pretty or the kitchen-plot?  | Through the garden there she goes,<br>Tripping on her dainty toes.                                   |
| диво дивное   | marvel   | a wonder well worth telling  |
| ни гугу   | -  | silent   |
| за тридевять земель   | to the World's extremity   | right to the pole  |
| молодица  | his gallant daughter   | his son's fair bride   |

Подробнее рассмотрим применяемые переводчиками стратегии для достижения адекватности и эквивалентности при передаче данной безэквивалентной лексики, чтобы выявить, что было утеряно в процессе перевода и удалось ли в полной мере переводчикам передать не только фактуальную информацию, но и культурологическую.

При переводе имен собственных *Салтан*, *Черномор*, *Буян* оба переводчика использовали прием транслитерации: *Saltan*, *Chernomor*, *Buyan*.

Имя царевича *Гвидон Салтанович* О. Элтон транслитерирует – *Gvidon Saltanovich*, а Л. Зеликофф принимает, на наш взгляд, неудачную попытку его транскрибировать – *Guidon*, что искажает фонетическую форму имени и вводит англоязычного читателя в заблуждение, так как в американском варианте английского языка есть слово *guidon* ['gaidən] – *a small flag* (Merriam-Webster) – *флажок* (здесь и далее, если не указано иное, перевод выполнен авторами статьи. – А. П., Л. К.). В патрониме *Салтанович* – *Saltonovich* Зеликофф заменяет ударную *a* на *o* совершенно безосновательно.

Отдельного внимания заслуживает *сватья баба Бабариха*. Для правильного перевода необходимо понимать все составляющие этого образа. Начнем с ее социального статуса «сватья» – мать одного из супругов по отношению к родителям или родственникам другого супруга, что неверно по контексту. В словаре Т. Ф. Ефремовой (2000) *сватья* наряду с вышеуказанным имеет значение *сваха*, то есть женщина, устраивающая браки. Действительно, Бабариха не является матерью ни царю, ни сестрицам. Кроме этого, ее социальный статус отражается и в имени собственном – Бабариха, этимология которого восходит к глаголу *бабить*, означавшему в Древней Руси *принимать роды*. При этом новорожденные считались внуками повивальной бабки (бабарихи) и называли ее бабушкой. Повитухами, как правило, были пожилые, опытные женщины (Карнович, 2019, с. 256). Подчеркнем, что Бабариха появляется в тексте сказки только после рождения Гвидона, который позже называет ее «старой бабушкой своей» (Пушкин, 2012, с. 58).

Посмотрим, как справились с данной задачей переводчики. О. Элтон транслитерирует антропоним – *Babarikha*, тем самым лишая его лексического значения. Англоязычный читатель не догадается, что она – повивальная бабка и сваха; для него она – *the queen mother* – *королева-мать*, вдовствующая королева, которая решила погубить молодую царицу и наследника престола. Такой перевод искажает роль данного персонажа. В свою очередь, Л. Зеликофф вообще опускает антропоним и социальный статус Бабарихи, а использует описательный перевод, а именно – *their mother, sly deceiver* (их мать, хитрая обманщица). Можем предположить, что опущение мотивировано отсутствием смысловой нагрузки антропонима для англоязычного читателя в случае применения приемов транскрипции или транслитерации. Переводчик принимает решение прибегнуть к описанию, чтобы передать подлую суть повитухи-интриганки, оказывающей всяческое содействие коварным сестрам, зависть которых «уничтожила родственные чувства» и обрекла на смерть младшую сестру и ее новорожденного сына (Неёлов, 2001, с. 154). Кроме того, в силу недостаточного переводческого анализа лексема *сватья* ошибочно переводится *their mother* – их мать. Переводчик упустил тот факт, что родственные связи между сестрами и Бабарихой не упоминаются в тексте А. С. Пушкина.

Говоря о переводе реалий, хотелось бы начать анализ с наиболее часто встречающихся: царь/царь-батюшка/царь-отец, царица, князь/царевич. Л. Зеликофф всегда транслитерирует реалию *царь* – *tsar*. А О. Элтон, помимо транслитерации, прибегает к аналоговому переводу – *emperor* и *king*. Полагаем, что отсутствие единообразия при переводе реалии *царь* может ввести в заблуждение читателя, который примет *императора* и *короля* за других персонажей. Реалию *царь-батюшка* О. Элтон перевел, используя кальку и транслитерацию – *father-tsar*; у Л. Зеликоффа наблюдаем конкретизацию и транслитерацию – *our tsar*. Схожую по семантике реалию *царь-отец* О. Элтон, как и в предыдущем примере, калькировал и транслитерировал – *tsar, the father*; Л. Зеликофф использует архаичную форму обращения к лицу с высоким социальным статусом (например, к королю) – *the royal sire*. Прилагательное *royal* указывает на то, что речь идет о главе государства. То есть переводчик прибегнул к аналоговому переводу. При переводе реалий *князь* и *царевич* оба переводчика применяют аналог – *prince* и транслитерацию – *tsarevich*, однако О. Элтон также использует аналог *prince* для обозначения *царевича*.

Ряд метаморфоз претерпевает реалия *царица*. Можно было бы предположить, что, как и *царя*, эту реалию переводчики транслитерируют. Однако этот переводческий прием использовался лишь однажды Зеликоффом – *tsaritsa*. Во всех остальных случаях он применял описательный перевод – *Were our tsar to marry me, If he married me* (Если царь / он женится на мне), *young bride* (молодая невеста в контексте – жена царя), *a young princess* (молодая принцесса/княгиня); аналог – *the queen* (королева). Отметим, что два последних варианта перевода были бы уместны в другом контексте: принцесса/княгиня – жена принца/князя, а королева – жена короля. О. Элтон использовал семь вариантов перевода лексем *царица*. Третьи он прибегает к аналоговому переводу – *empress, (youthful) queen, princess*, в остальных случаях – к описательному переводу: *lady young and royal* (юная королевская особа), *the mother* (мать), *mistress* (госпожа). Как и в случае с *царем*, переводчик допускает ту же самую вольность, снова вводит в заблуждение читателя.

Реалия *молодица* – молодуха, замужняя женщина, лет до сорока (Даль, 2006, с. 127) – в данном контексте молодая жена князя Гвидона, сноха царя Салтана. Оба переводчика передают данную реалию с помощью приема описания: Элтон акцентирует тот факт, что царь принимает жену сына и любит ее как дочь – *his gallant daughter* (его прекрасная дочь), а Зеликофф подчеркивает красоту царевны, от которой невозможно «глаз отвести» (Пушкин, 2012, с. 57), – *his son's fair bride* (прекрасная невеста его сына).

В тексте оригинала было зафиксировано семь наименований зданий (изба, палата, терем, златоглавые церкви), помещений (сени, светлица), архитектурных элементов (маковки церквей), характерных только на Руси. При переводе реалии *изба* – крестьянский дом, жилой деревянный дом (Даль, 2006, с. 84) – оба переводчика используют аналоговый перевод – *hut* – a small, simple house or shelter (Cambridge Dictionary).

Следующий пример показывает важность контекста при переводе в целом и реалий в частности. Так, *палата* – дворец, великолепное жилое здание (Даль, 2006, с. 156).

|  |   |  |
|--|---|--|
| <i>Видит: весь сияя в злате,<br/>Царь Салтан сидит в <b>палате</b></i><br>(Пушкин, 2012, с. 44). | <i>Crowned and throned above them all,<br/>King Saltan within his <b>hall</b></i><br>(Пушкин, 2023, с. 46). | <i>There, in regal raiment, sate<br/>Tsar Saltan <b>in royal state</b></i><br>(Pushkin, 2017). |
|--|---|--|

Судя по контексту, царь проводит официальный прием высокопоставленных гостей. Элтон использует аналог *hall* (a building or large room used for events involving a lot of people (Cambridge Dictionary) – здание или большая комната для проведения мероприятий с большим количеством гостей), а Зеликофф прибегает к описанию *in royal state* (as part of an official ceremony – в рамках официальной церемонии). В обоих случаях англоязычному читателю понятно, что царь Салтан встречает гостей в своем дворце.

Та же реалия *палата* в другом контексте имеет значение *великолепное жилое здание*. Например:

|   |   |   |
|---|---|---|
| <i>Все в том острове богаты,<br/>Изоб нет, одни <b>палаты</b></i><br>(Пушкин, 2012, с. 50). | <i>All are rich men in that islet,<br/><b>Nobly housed</b>, no huts defile it</i><br>(Пушкин, 2023, с. 62). | <i>People live in plenty there,<br/>Not in huts, but <b>mansions fair</b></i><br>(Pushkin, 2017). |
|---|---|---|

Очевидно, что прием описания обеспечивает адекватный перевод: с одной стороны, *rich men nobly housed* (богатые люди, живущие в достойных жилищных условиях), с другой – *mansions fair* (великолепные особняки).

На Руси *теремом* называли «замок боярский», «дворец», «барский дом» либо «одиноким домиком в виде башни или на подрубке» (Даль, 2006, с. 200). Можем предположить, что О. Элтон, опираясь на толковые словари, сфокусировался на компоненте значения «в виде башни» и использовал аналог *tower* (башня). Л. Зеликофф в обоих случаях прибегнул к приближенному переводу: *stately mansions* (великолепные особняки), *stately homes* (великолепные дома), так как словосочетание *stately mansion/home* имеет следующее значение: a large, impressive house that is occupied by an aristocratic family (The Free Dictionary), то есть большой, роскошный дом, в котором живет семья аристократов. Таким образом, аналог не позволил передать национально-культурный колорит реалии *терем*, но сохранил функциональное назначение здания без каких-либо архитектурных особенностей.

В словосочетании *златоглавые церкви* безэквивалентным является прилагательное, которое передано переводчиками с помощью описания. Зеликофф в одном случае опускает компонент значения *покрытый золотом* – *churches tall with domes* (высокие церкви с куполами), во втором случае этот компонент значения сохраняется – *churches tall with golden domes* (высокие церкви с золотыми куполами). Элтон предпочел вариант *golden-steepled churches* (церкви с золотыми шпилями). Отметим, что *steeple* (шпиль) – a pointed structure on the top of a church tower (Cambridge Dictionary), то есть остроконечное сооружение на вершине церковной башни. Такой архитектурный элемент характерен для католических и протестантских храмов, но не для православных. При этом другая реалия – *маковка церкви* – глава церкви, самый верх здания (Даль, 2006, с. 120), по форме напоминающий пламя свечи или луковицу, – была опущена Элтоном: *church* (церковь). Л. Зеликофф, как и в предыдущем примере, при переводе реалии *маковка церкви* использует описание – *churches golden-domed* (церкви с золотыми куполами).

Что касается наименований жилых помещений, ни один переводчик в полной мере не справился с поставленной задачей: не были переданы ни функциональное предназначение, ни национально-культурная специфика. *Светлица* – чистая, светлая комната, гостиная (Даль, 2006, с. 186), однако у Элтона с помощью неудачного, на наш взгляд, описания она превратилась в бедную комнату, бедные покои – *poor chamber*, хотя у А. С. Пушкина нет указания относительно богатого или бедного убранства этого помещения. Во втором случае переводчик опускает реалию – *he stopt inside* (дословно: он вошел *внутрь*). В переводе Зеликоффа в одном случае использован аналог *chamber* – a room in a house, a bedroom; a room used for a special purpose (Cambridge Dictionary), то есть комната в доме, спальня; комната, используемая для особых целей, в другом – генерализация – *home* (дом / домашний очаг). *Сени* – наружная, более холодная часть жилого дома, у входа, прихожая (Даль, 2006, с. 188). Элтон использует аналог – *hall* (the area just inside the main entrance of a house (Cambridge Dictionary) – место сразу за главным входом в дом), а Зеликофф опускает реалию – *strode forth* (дословно: шагнул *внутрь*).

Во все времена рост и вес новорожденного являлись главным критерием его здоровья, особенно это касалось наследников престола. Каждому монарху нужен был крепкий здоровый наследник. Третья девица выполнила свое обещание и «к исходу сентября... родила богатыря», «сына бог им дал в аршин» (Пушкин, 2012, с. 30-32). *Аршин* – погонная мера, 0,711 метра (Даль, 2006, с. 10). Оба переводчика с помощью описания справились с передачей русской меры длины. Так, О. Элтон использовал английскую меру длины, равную 0,3048 метра – *two foot odd* (два фута с лишним), а Зеликофф описал младенца как крепкого, с крупными руками и ногами – *lusty, large of limb*.

По сюжету сказки Гвидон становится князем, то есть правителем, острова Буяна. Народ венчает его на царство *княжьей шапкой*, которая в данном контексте является аллюзией на шапку Мономаха – венец великого

князя Владимира Мономаха, главная регалия царской власти (Ожегов, Шведова, 1994, с. 879). По версии О. Элтона, прибегнувшего к буквальному переводу, Гвидона короновали просто шапкой, принадлежащей князю, – *Prince's cap*. Подчеркнем, княжья шапка – это не головной убор, не шапка князя, а регалия, которой пользовались только один раз – в день восшествия на престол, в остальное время она хранилась в сокровищнице. Церемония венчания на царство в переводе Л. Зеликоффа также лишена национально-культурной специфики из-за опущения реалии *княжья шапка*, Гвидона просто короновали и назначили князем – *crowned as Prince*. В данном случае, как и при переводе других исторических реалий, был бы уместен переводческий комментарий в виде сноски, так как переводчик имеет дело с поэтическим текстом, как в следующем примере:

|   |   |   |
|---|---|---|
| <p>Со <b>креста</b> шнурок шелковый<br/>Натянул на лук дубовый<br/>(Пушкин, 2012, с. 36).</p> | <p>From his <b>cross</b>* a silk cord taken<br/>Strung it on the bow<br/>(Пушкин, 2023, с. 36).</p> | <p>With the silken cord that hung<br/>Round his neck<br/>(Pushkin, 2017).</p> |
|---|---|---|

Именно переводческий комментарий позволил О. Элтону объяснить англоязычному читателю, что каждый православный человек с рождения носит нательный крест – *\*The cross which every Orthodox wears around his neck from a child* (Пушкин, 2023, с. 36). Сама лексема *крест* не является реалией в традиционном понимании. Но в контексте произведения *крест* – это именно нательный крест православного человека. Однако, исходя из перевода Л. Зеликоффа, опустившего реалию *крест*, непонятно, что за шелковый шнурок на шее у Гвидона. Считаем, что не стоит недооценивать такой прием, как комментарий, поскольку у читателя, то есть «у получателя перевода, необходимых фоновых знаний скорее всего нет» (Белов, Нестерова, 2020, с. 25).

Прежде чем рассматривать способы перевода лакун, встречающихся в «Сказке о царе Салтане», отметим, что все лакуны, представленные в Таблице 1, вслед за М. В. Рябовой (2010, с. 177), которая выделяет лингвистические и культурологические лакуны, мы будем относить к культурологическим, так как они отражают национально-культурную специфику и подчеркивают несовпадение культур. Рассматриваемые нами лакуны являются фольклорными элементами русского культурного пространства, узнаваемыми константами русской культуры. Это еще раз подтверждает мысль Д. И. Ермоловича (2009) о том, что при переводе лакун необходимо применять не только переводоведческий, но и культурологический подход, поскольку именно «культурологический аспект лакунарности» вызывают наибольший интерес переводоведов (Егорова, Погонина, 2019, с. 55).

Анализ перевода лакун показал, что оба переводчика *максимально нейтрализовали* национально-культурную составляющую русской сказки. Так, О. Элтон чаще всего (в шести случаях) при переводе лакун прибегает к описательному приему: *неведома зверюшка* – a creature monstrous, new, and out of nature (страшное создание, новое, несуществующее в природе); *не по дням, а по часам* – fast as though a day were flown (так быстро, как будто один день пролетел); *лебедь-птица* – the swan enchanted (заколдованный лебедь); *грусть-тоска* – weary grief / dreary grief (выматывающее горе); *чудо чудное* – great marvel (большое чудо); *за тридевять земель* – to the World's extremity (на край света). В трех случаях было использовано калькирование: *красная девица* – beautiful maiden (красивая девушка); *добрый конь* – trusty charger (надежный боевой или строевой конь); *честной народ* – noble folk (благородный народ). Дважды используется трансформационный перевод, а именно – лексические замены с полным изменением значения слова: *голубушки-сестрицы* – beloved sisters (любимые сестры); *во саду ли в огороде* – Is it in the garden pretty or the kitchen-plot? (Это в красивом саду или на приусадебном участке?). И по одному разу Элтон применяет опущение, аналог и эквивалент с обобщающим нейтрализующим значением. Лакуна *ни гугу* в переводе опущена. Имеющая положительную коннотацию в русской культуре лакуна *удалец* – храбрый, смелый, доблестный, которому в отваге всегда удача (Даль, 2006, с. 209), – заменяется аналогом *adventurer* (someone who enjoys and looks for dangerous and exciting experiences (Cambridge Dictionary), то есть тот, кто наслаждается опасными и захватывающими приключениями и ищет их). Отметим, что в словарной статье к слову *adventurer* имеется помета *disapproving* (неодобрительно). Ведь «наш удалец», князь Гвидон – честный и порядочный молодой человек, великодушно простивший своего отца, который пошел на поводу у тетушек-интриганок, желавших гибели ему и его матери. Выражение *диво дивное* характерно для русского фольклора, оно имеет особую художественную выразительность, которая при переводе была нейтрализована – *marvel* (диво).

В свою очередь, Л. Зеликофф в четырех случаях прибегает к описанию: *не по дням, а по часам* – as the hours swiftly flew (как будто часы летели быстро); синонимичные лакуны *чудо чудное* и *диво дивное* были переведены идентично – a wonder well worth telling (чудо/диво, о котором стоит рассказать); *за тридевять земель* – right to the pole (прямо на полюс). Трансформационный перевод использовался трижды: *голубушки-сестрицы* – fair sisters (красивые сестры); *честной народ* – a charmed and happy throng (очарованная и счастливая толпа); *во саду ли в огороде* – through the garden there she goes, tripping on her dainty toes (вот она прогуливается по саду на своих изящных ножках). Прием приближенного перевода также задействуется три раза: *неведома зверюшка* – a fright (a horrifying, grotesque, or ludicrous person or thing (The Free Dictionary), то есть ужасающий, гротескный или нелепый человек или предмет); *удалец* – our gallant (наш храбрец); *ни гугу* – silent (молчаливо). Дважды был применен прием калькирования: *красная девица* – maiden fair (красивая девушка); *лебедь-птица* – the swan-bird (лебедь-птица). По одному разу переводчик использовал прием опущения при переводе лакуны *добрый конь* (he rode forth – он поскакал вперед) и эквивалент с обобщающим нейтрализующим значением: *грусть-тоска* – grief (горе).

Примечательно, что в большинстве случаев оба переводчика при переводе одних и тех же лакун прибегали к аналогичным приемам. Это еще раз доказывает тот факт, что носители одной лингвокультуры одинаково воспринимают другую иноязычную лингвокультуру. Отметим, что при выборе переводческих решений важно учитывать, что «некоторые языковые единицы могут не выступать в роли лакун в словарном, отдельно взятом виде, но в союзе с другими языковыми единицами» приобретают характерные черты лакун (Ашетаева, Баимбетова, 2021, с. 104).

В тексте сказки среди лакун выявлено два фразеологизма: *не по дням, а по часам* и *за тридевять земель*, при передаче которых оба переводчика прибегали к описательному переводу, хотя по правилам переводоведения надлежит использовать эквивалент – фразеологизм с таким же значением, если таковой имеется в переводящем языке. В английском языке существует несколько фразеологизмов со значением *очень быстро, опережая сроки*: *be ahead of time, in no time*. Эквивалентами *за тридевять земель* (далеко, в неведомых краях) являются английские устойчивые выражения *in far off lands, at the other end of the world, to the back of beyond, to the ends of the earth*. Очевидно, переводчики были ограничены рамками поэтического текста, необходимостью соблюдать рифму и сохранять размер, однако прием описания не позволил им передать атмосферу сказки.

Рассказывая об одном из чудес острова Буяна, о белочке, которая не только грызет золотые орехи, но и «с привисточкой поет», А. С. Пушкин (2012, с. 47) использует широко известный инципит народной песни: *Во саду ли в огороде*. В каком-то смысле почти буквальный перевод, передающий содержание первой строчки песни, не дал англоязычному читателю возможность оценить, насколько белочка смышленная: она не только «золотой грызет орех» (Пушкин, 2012, с. 47), но и развлекает честной народ популярными русскими народными песнями. На наш взгляд, чтобы не дезориентировать читателя, было бы более адекватным решением с переводческой точки зрения использовать переводческий комментарий или в самом тексте сказки дать читателю понять, что белка поет популярную народную песню.

Отметим, что перевод лакун требует от переводчика определенного объема фоновых знаний, что позволит избежать неполного или искаженного понимания текста иноязычным читателем. При принятии переводческих решений необходимо учитывать «структурные расхождения» языков и «различный ментальный опыт англоязычной и русскоязычной аудитории» (Спиридовский, Рассоленко, 2019, с. 328), так как «каждый народ имеет своё видение мира, представление о нём, свою картину мира» (Агаюлова, Ключева, 2021, с. 7).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что перевод поэтического наследия А. С. Пушкина – это серьезный вызов для любого переводчика в силу его «русскости, его души, менталитета, национального характера», ведь «Пушкин – гений, воплотивший русскую душу, а ее нельзя «понять умом»» (Тер-Минасова, 2014, с. 144). Но сложность не означает невозможность. Конфликт культур, препятствующий адекватному переводу, невозможно устранить, но его можно максимально смягчить профессиональным использованием переводческого инструментария вкупе с надлежащими фоновыми знаниями. Именно перевод является тем фактором, который оказывает «определяющее воздействие на процессы межкультурной коммуникации» (Хухуни, Валуйцева, 2022, с. 72), а педантичность переводчика в работе позволяет «воссоздать национальный исторический и культурный колорит» и делает шедевры мировой литературы «доступными для представителей иноязычных культурных пространств» (Лапчинская, 2017, с. 381). Неслучайно в работе «Искусство перевода» В. В. Набоков отмечал, что автор и переводчик должны быть одинаково одаренными, их таланты «должны быть одной природы», каждый переводчик обязан «прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии» (2001, с. 389-397).

## Заключение

Сравнительный анализ переводов безэквивалентной лексики в «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкина с русского языка на английский позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин *безэквивалентная лексика* и вопросы ее перевода крайне актуальны как для теории перевода, так и для практики в связи с полным отсутствием эквивалентов в другой лингвокультуре. Однако это не означает невозможности передачи семантики безэквивалентных лексических единиц при переводе на другой язык. Владение переводческими стратегиями, с одной стороны, и знание культуры, истории и традиций носителей исходного языка, с другой стороны, позволяют переводчику выполнить адекватный перевод.

2. В ходе исследования было выявлено тридцать восемь безэквивалентных лексических единиц, из них шесть имен собственных, семнадцать реалий и пятнадцать лакун.

3. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ переводов безэквивалентной лексики, выполненных О. Элтоном и Л. Зеликоффом, позволил выявить переводческие стратегии и приемы, которые использовали переводчики для достижения адекватности перевода. Хотя в аспекте художественного перевода лексическая безэквивалентность допускает множественность переводческих решений, и О. Элтон, и Л. Зеликофф в большинстве случаев прибегали к одним и тем же переводческим стратегиям. Наиболее частотным при переводе *имен собственных* оказался прием транслитерации (Элтон – 6, Зеликофф – 3), по одному разу Зеликофф использует транскрипцию, опущение и описание. При переводе *реалий* оба переводчика применяют более широкий спектр переводческих приемов: аналоговый перевод (Элтон – 10, Зеликофф – 7), описание (Элтон – 7, Зеликофф – 7), транслитерация (Элтон – 4, Зеликофф – 4), опущение (Элтон – 2, Зеликофф – 4),

калькирование (Элтон – 2), трансформационный перевод (Зеликофф – 2), приближенный перевод (Зеликофф – 1). При переводе *лакун* чаще всего переводчики прибегают к приему описания (Элтон – 8, Зеликофф – 6) и трансформационному переводу (Элтон – 3, Зеликофф – 4). Прием калькирования использовался Элтоном три раза, аналог и опущение – по одному разу. Зеликофф применил прием приближенного перевода три раза, калькирование – два раза и в одном случае – опущение.

4. Показано, что не во всех случаях константы русской культуры были переданы с учетом функциональной принадлежности денотата, что привело к нейтрализации или утере национально-культурного колорита сказки, а в некоторых случаях – к искажению значения или эмоциональной окраски безэквивалентной лексической единицы. Но нельзя не принимать во внимание тот факт, что на выбор переводческих стратегий в большой степени повлияло то, что переводчики работали именно с поэтическим текстом, стараясь сохранить размер, рифму и ритм оригинала. Это, в свою очередь, не означает, что можно «жертвовать» эстетикой, присущей сказке, и ее национально-культурной спецификой.

В ближайшей перспективе предполагается провести сравнительный анализ переводов безэквивалентной лексики с английского языка на русский, выполненных отечественными переводчиками, на материале поэтических текстов Дж. Байрона.

### Источники | References

1. Агаюлова С. И., Ключева Е. А. Особенности перевода лакун с турецкого языка на русский // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2021. № 3 (79).
2. Ашетаева М. Д., Баимбетова А. П. Лингвокультурологические аспекты лакун в политическом дискурсе и их перевод // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия: Филологические науки. 2021. Т. 61. № 2.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. Изд-е 3-е. М.: ЛКИ, 2010.
4. Белов А. А., Нестерова Я. А. Особенности перевода реалий // Вестник науки. 2020. Т. 5. № 11 (32).
5. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1983.
6. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. Изд-е 4-е. М.: Р. Валент, 2009.
7. Волошин Ю. К., Сидорова Л. И. О переводах романа в стихах «Евгения Онегина» на английский язык // Родная Кубань: литературно-исторический журнал. 2020. [https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika\\_5317.html](https://rkuban.ru/archive/rubric/publitsistika/publitsistika_5317.html)
8. Егорова О. А., Погонина А. А. Особенности перевода лакун в дискурсе ООН // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 17 (1).
9. Ермолович Д. И. Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка // Мосты. 2009. № 1 (21).
10. Карнович Е. Русские имена и фамилии и их происхождение. М.: Центрполиграф, 2019.
11. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000.
12. Лапчинская Т. Н. Особенности перевода безэквивалентной лексики в повестях А. С. Пушкина с русского на немецкий язык // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А.
13. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М., 2010.
14. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. Искусство перевода. М.: Независимая газета, 2001.
15. Неёлов Е. М. О жанровом содержании «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6.
16. Пушкина А. В., Кривошлыкова Л. В. Способы передачи культурологической и эстетической ценности при переводе «Баллады морской воды» Ф. Г. Лорки на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 8.
17. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Высшая школа, 1974.
18. Рябова М. В. Культурологический аспект перевода в свете теории лакун // Альманах современной науки и образования. 2010. № 9 (40).
19. Спиридовский О. В., Рассоленко С. П. Межъязыковые лексические лакуны в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 10.
20. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
21. Тер-Минасова С. Г. Может ли Пушкина оценить нерусский мир? // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 27.
22. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000.
23. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1988.
24. Федоров А. В. Введение в теорию перевода (Лингвистические проблемы). Изд-е 2-е, перераб. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
25. Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Посредничество при межкультурной коммуникации: «необходимое зло» или нормальное явление? // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 6s.
26. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
27. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ; CORPUS, 2015.

**Информация об авторах | Author information**

Пушкина Анна Владимировна<sup>1</sup>, к. пед. н., доц.  
Кривошлыкова Людмила Владимировна<sup>2</sup>, к. филол. н., доц.  
<sup>1,2</sup> Российский университет дружбы народов, г. Москва



Anna Vladimirovna Pushkina<sup>1</sup>, PhD  
Liudmila Vladimirovna Krivoshlykova<sup>2</sup>, PhD  
<sup>1,2</sup> RUDN University, Moscow

<sup>1</sup> [pushkina4@yandex.ru](mailto:pushkina4@yandex.ru), <sup>2</sup> [lvk1404@mail.ru](mailto:lvk1404@mail.ru)

**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 04.07.2024; опубликовано online (published online): 29.08.2024.

**Ключевые слова (keywords):** сказки А. С. Пушкина; безэквивалентная лексика; культурологические лакуны; переводческие стратегии; национально-культурный колорит; A. S. Pushkin's fairy tales; non-equivalent lexis; culture lacunae; translation strategies; national and cultural peculiarities.